

СЕРГЕЙ ПРОКОПЬЕВ

Родился в 1952 году в г. Куйбышевка-Восточная, ныне г. Белогорск Амурской области. Живёт в Омске.

Публиковался в журналах «Москва», «Сибирские огни», «Литературный Омск» и др. Автор нескольких книг.

Лауреат литературного конкурса-премии «Точка на карте по имени Омск», учреждённой «Группой Омск». Член Союза писателей России.

В литературно-краеведческом альманахе «Таряне» публикуется впервые.

ИТАК, ОНА ЗВАЛАСЬ ТАТЬЯНОЙ

Рассказ раба Божия Григория

Не хочется подводить себя под поговорку «старость не радость – кости болят», ещё и пятидесяти нет, но с годами чаще и чаще приходится обращаться к врачам. Основная проблема – варикоз. По-хорошему, раз в год надо пролечиваться в стационаре, но всякий раз оттягиваю, пока жена не вытолкнет. В последний раз два года тянул, уже и врач стал ругаться. Сдался в конечном итоге.

Мест в палатах не было, для начала определили в коридор. На коридорных площадях в больницах, как правило, наличествуют божки, хотя бы один-два на этаже. Если разобраться, нехорошее слово «божж», с нотками гордыни: вот-де падшие люди, тогда как я крепко держу птицу счастья за хвост. Лучше по мне – бездомные.

Медсестра подвела к кровати.

– Располагайтесь, – говорит, – а бельё вам надо другое застелить – это для них.

Кивнула головой в сторону кровати, на которой сидела женщина.

– Да ладно, – остановил медсестру, – пойдёт, какая разница.

Бельё не рваное, ну где-то пятна йода, в принципе нормальное.

Разместился в коридоре, смотрю, женщина, на которую кивнула медсестра, достала Евангелие. Сидит, как воробышек, читает. Протестантское издание, баптисты такие распространяют. Интересно – бездомная читает

Евангелие... Подошёл, познакомились. Звали на пушкинский манер – Татьяной.

Жена ворчит на меня: вечно ты с кем-нибудь возишься. А как не постараться для человека, если он пропадает, почему не поискать возможность принять участие в нём, поддержать. Честно скажу, плохо у меня получается.

Таня маленькая, полутора метров роста не наберётся. Сорок четыре года, а со спины – подросток. Было дело – двоих детей родила, да родительских прав лишили, когда дочери ещё в школу не ходили, сестра Татьяна их воспитывает. Сама Таня из района. Не спросил, кто её в город привёз. Это потом, в монастыре, Таня, рассказывая о себе, матушке Варваре скажет: дров не было зимой, её привезли в город, чтобы не замёрзла. Получается, привезли и бросили.

В больнице в коридоре на нашем этаже бездомных было двое, ещё Володя без ног – на коляске. Оба поступили в больницу из центра социальной адаптации с одним диагнозом, который меня на некоторое время вверг в уныние – рожа. Не вдохновила, прямо скажем, перспектива рожей заразиться. Врач успокоил: Таня и Володя получили ударную дозу антибиотиков, их раны настолько густо обрабатываются йодом, что опасаться нечего.

Раз пять в этой больнице лежал, раньше был заведующий отделением, так он зимой весь коридор бездомными заполнял, сердобольно относился к их брату. Не гнал почём зря. Остальные доктора бездомных не приветствовали.

Володя – мужчина общительный. На жизнь свою безногую и бездомную смотрел с оптимизмом. Если Таня в центре социальной защиты новичок, Володя – старожил. Пользовался там авторитетом и уважением, хотя и без ног. Таню в обиду не давал.

– Крышую, – смеялся.

Таню, за себя постоять не умеющую, начали было тюкать в центре, да Володя быстро разобрался, пригрозил: если что – будете иметь дело со мной.

От него многое узнал о центре. Новичков первый месяц держат бесплатно, потом

лафа заканчивается – плати. Сто пятьдесят рублей в день тогда было койко-место.

– А если денег нет? – спрашиваю.

– Ночуй в филиале центра, – весело ответил Володя, – на трубах!

– На каких трубах? – не сразу определил я местоположение альтернативного ночлега. – В каком филиале?

– На теплотрассе! – пояснил, широко улыбаясь, Володя. – Ну а найдёшь деньги – снова приходи. Будут жизненные затруднения, – великодушно пригласил Володя, – милости просим к нам на огонёк. Только, предупреждаю, пьяных не пускают. Даже с запахом. Пусть ты заранее заплатил, не играет роли: принял на грудь – досвидос, сначала протрезвись. С этим жёстко.

«Филиал» был расположен в шаговой доступности – теплотрасса из окон центра видна. Изоляция на горячих трубах снята, тут же валяется тряпьё под себя подстелить, чтобы не обжечься (пьяные, само собой, обжигаются). Так и перемогают бездомные, у коих денег на центр не имеется. Кому-то жалко, если деньги вдруг появились, отдавать их за ночлег, лучше на бутылку употребить.

Володя человек светлый и добрый. В отличие от Тани ему проще – пенсию по инвалидности получает. Причём неслабую. У меня тётка всю жизнь на заводе проработала – у неё меньше. Живёт Володя криво, что там говорить, выпивает, а так – открытый и простой. Без мути, когда стараются наврать побольше, разжалобить, чтобы что-то поиметь с тебя. И он, и Таня живут одним днём. Как птицы небесные. Володя не жадный – Таню подкармливал, меня постоянно угощал. Начну отказываться:

– Я-то, – говорю, – домашний, я должен тебя угощать.

– Ничё-ничё, – скажет, – рубай моё, не обеднею.

Я тоже с ним делился. Жена принесёт – обязательно Володю, Таню попогочую.

Володя оригинальный бомж – нанимает себе человека для обслуги. Женщина в больницу принесла ему продукты, рубаху чистую, майку. Спрашиваю:

– Сестра твоя?

– Горничная, – смеётся.

У Володи есть дети, жена, которая давным-давно развелась с ним. Так что живёт Володя сам по себе, а финансы позволяют нанять личного соцработника. При необходимости не брезгует пониженством – подзаработать на паперти. Безногому хорошо подадут.

По рассказам Володи, среди бездомных попадаются ухари – ради инвалидности специально отмораживают конечности.

– Я-то нет, – отмёл мои предположения, – по пьяной лавочке. Уж если бы собрался, обошёлся меньшими потерями – а так по самое не могу отчекрыжили.

Причём за два раза. Сам над собой смеялся: и поморозило, и пожгло. Сначала одну ногу отняли – обморозил. Со второй угораздило в пожаре побывать. Не сказать, сильный ожог, хотя прилично коже досталось, ещё и в термобелье был... Всё бы обошлось, но при таком образе жизни Володя добавил к ожогу заражение... Остался без обеих ног... Чего только в их среде не бывает. Один Володин бомж-коллега для приобретения статуса инвалида надумал ступню поморозить. Сказано – сделано. Для храбрости перед началом операции по отмораживанию конечности хорошо принял на грудь и заснул... Да так хорошо спал, что обе ноги потерял.

Таня – моя боль, искренне хотел ей помочь.

Что удивило – не материлась. И мне замечание делала, матерок у меня выскочит, она: – Гриша, ну зачем материшься?

Но без осуждения.

И в центре адаптации, Володя говорил, ни разу не слышал от неё матов.

Воля, конечно, сломлена. Тот случай, когда человека в какую сторону ни подтолкни – пойдёт. И смиренная. Ничего не просит, не жалуется. Операцию сделали, а болезнь запущена, нагноение мощное, до кости разрезали, прочистили. Больно, она тихонечко лежит и плачет. Ни слова жалобы, ни стоны – молча слёзы льёт. Вот у кого смирению учиться.

Сколько ни сталкивался с бездомными в больницах – все такие. Лечат их лишь бы – лишь бы, что-то поделают и за порог, а у каждого букет болячек. Но прав не качают, безропотно относятся к тому, что их считают за второй сорт...

В больнице в тот раз впервые столкнулся с таким явлением, как беснование. Положили в коридор женщину. Привёл её муж. Что сразу бросилось в глаза – неестественно бледные, будто под облучение попали. Нежилые какие-то. И холодок от обоих. Не то что антипатия возникла к ним, вполне приличные люди, но чем-то веяло от них.

Наступает ночь. Как начала она орать мужским голосом! Орёт, рычит. Не представляю, как женщина вообще может такие звуки издавать. Больница огромная, конечно, были среди пациентов верующие, читали молитвы.

Я сам молился на ночь. Это на таких действует. Нутряной голос у неё, грубый, орёт, лает, ругается матом, рычит по-звериному. Лежу, она мужским голосом: «Ты кто? Зачем ты меня мучаешь? Ты где? Найду тебя!»

Кого она, спрашивается, грозилась найти? Я-то слабый молитвенник. Наверное, монах или монахиня в больнице лежали.

На меня животный страх напал. Ещё и фильм про Вия вспомнил. Ни раньше ни позже...

К женщине медсестра подошла.

– Что с вами? – спрашивает.

Нормальным голосом ответила, что зуд у неё под кожей.

Медсестра:

– Где, в каком месте?

– Везде чешется.

Всю ногу об кровать разбила, что-то с ногой у неё было. С кровати всё сбросила, матрац на полу валяется, подушка. На голой панцирной сетке лежит.

Это ещё не всё в ту памятную ночь. У них как цепная реакция. В отделении выше этажом тоже крики начались. Слышу, дежурный врач оттуда пришёл, жалуется нашему: парень орёт.

В ту ночь практически не спал я, все

молитвы, которые помнил, на десять рядов прочитал.

На следующую ночь беспокойной женщине с вечера лошадиную дозу успокоительного дали. Не материлась, но рычания прорывались. А потом её куда-то перевели.

На пятый день моего пребывания в больнице предложили мне в палату перейти, появилось место, но я отказался. В палате непременно попадётся хотя бы один из вечно недовольных – с утра до вечера хоть уши затыкай – всё плохо. И целый день будет зло бухтеть про болезни, операции, медицину никакушную, власти вороватые, чиновников-хапуг. И так понятно, что об этом толочь. В предпоследний раз лежал с любителем анекдотов, исключительно похабных. Человек не с обочины, старше меня, начальник отдела на заводе. У него смартфон, по нему отыщет анекдот, похихикает в экран, потом начинает веселить палату, как же не поделиться сокровищем.

Ещё один всю дорогу свою мать ругал. Костерит и костерит. Я не выдержал.

– Слушай, – говорю, – не стыдно, она тебя родила, а ты – такая-сякая нехорошая. Позоришь сам себя. Есть заповедь Божья: чти отца и мать свою, и благо тебе будет, и долголетен будешь на земле. Не считаешь – вот и загибаешься тут. Мать его в детстве недоглядела... Она, поди, пахала с утра до вечера тебя прокормить...

Задело за живое.

– Если такой хороший, – начал мне выговаривать, – почему сам здесь торчишь?

– Тоже, – говорю, – хватает грехов.

Все с гонором собрались. Который с матерными анекдотами, два дня дулся на меня – замечание ему сделал, и этот тоже ворчал.

Лежал ещё дед Борис. Семьдесят пять лет. Ногой маялся и всю дорогу умирал. Полежит-полежит и начинает кладбищенскую песню: ой, умираю, ой, умираю! С полчаса постонет, отдохнёт и снова заводит шарманку: умираю. Замучил всех.

Был в отделении хирург, фамилия как у знаменитого хоккеиста – Дацук. Ражий мужчина, халат по спецзаказу – чехол для шкафа.

Килограммов сто двадцать в хирурге помещалось. Красномордый, голос громоподобный... И с юмором... В палату зайдёт, как гаркнет, аж лампочка замигает:

– Больные есть?

К деду Борису однажды шагнул, навис над кроватью:

– Что болит?

Дед в простынь вжался, испуганно выдавил из себя тоненьким голоском:

– Нет, ничего не болит!

Сразу умирения улетучились. Испугался: начни жаловаться на боль в ноге, Дацук сгребёт, в операционную утащит и без наркоза отпилит конечность, не успеешь и ойкнуть.

Я возликовал – наконец-то дед Борис замолчит. Часа два тихо было в его углу, а потом снова начал умирать.

Совсем другое дело – в коридоре лежать. Володя такой человек, что никакой спеси, гонора, обид, негатива. У меня нога занует – настроение портится, а у него вообще ног нет... И не унывает... То и дело повторял: посмотрим, сказал слепой, как будет плясать безногий!

Отказался я перебираться в палату.

– Мне, – говорю, – и здесь нормально – свежий воздух, сквознячок... А в палате душно...

Лучше, думаю, с бездомными рядом, меньше грехов...

В конечном итоге меня записали в одну компанию с ними. Дескать, рожей не заразился, а мозги точно от общения с бомжами набекрень съехали. Вместе с Володей и Таней выписали. Два года назад в этой же больнице двадцать один день лечили. Тут через восемь дней завотделением подходит: всё – выписываем. Я повозмущался, он внял моим требованиям, оставил на четыре дня, потом опять забыл, что я не бездомный... У Володи с Татьяной вообще раны конкретные, казалось бы, лечить и лечить, а их – на выход. Они слова в свою защиту не сказали.

Говорю заведующему отделением:

– Ладно, я домой. А Татьяна куда?

– Её болезнь в такой стадии, что в домашних условиях нормально лечится.

– Какие, – попытался втолковать ему, – у бездомной могут быть домашние условия? Её долечить надо. В полном здравии от вас выйдет – уже проще ей. Человек ведь!

– Её бездомность не в моей компетенции, – поставил точку.

Смотрю, Таня в уголке на лестнице тихо плачет. Отвернулась к окну, слёзы вытирает. Идти некуда. Дал ей денег, всё, что у меня было с собой, на центр адаптации. Пусть хоть первое время там побудет.

Друг у меня Андрей, человек православный, рассказал ему про Таню. Как бы, говорю, помочь. Хочет женщина исправиться, понимает, нельзя так жить, а выбраться из болота не может – такой поддержка нужна. Вот бы в монастырь пристроить. Монахиня из неё получится или нет, тут как Бог даст, хотя бы в себя пришла в человеческой атмосфере, оттаяла от жизни непутёвой. Глядишь, побудет месяц-другой трудницей, втянется. В дореволюционных монастырях десятки лет в послушниках ходили, не все и монахами становились.

Андрей мою идею одобрил. Приехали за Татьяной в центр социальной адаптации.

По большому счёту, не увидел я адаптации в центре – гостиница, ночлежка, не более. Тоже хорошо, но это как при болезни, когда не причина лечится, а обезболивающее принимается, которое в конечном итоге тебя и прикончит.

Я-то наивно предполагал, какие-то цеха есть в центре. Той же Тане надо было не рыбку давать, а удочку. Рассказывала, одно время у какого-то сельского предпринимателя скотницей устроилась, не на ферме, при доме. Под её опекой были поросята, козочки, корова. Хорошо, говорит, было. С животными, говорит, лучше, чем с людьми. С ностальгией вспоминала. Мало кто из бездомных возвращается к настоящей жизни. Единицы могут подняться без посторонней помощи и начать зарабатывать на хлеб. Есть такие, кто, живя в центре социальной адаптации, неплохо зарабатывает. Но как – нищенствованием.

За Таней приехали, стою у машины, ко мне подъезжает на коляске средних лет мужчина:

– Слушай, давай ты меня будешь днём отвозить, вечером привозить, я тебе тысячу-полторы в день давать. По рукам?

Если он вот так запросто может таксисту отвалить тысячу, сколько тогда на паперти зарабатывает или в переходе?

– Нет, – говорю, – не по рукам. У меня и без тебя грехов полно.

В центре была ещё одна памятная сценка. Стоим в холле, к нам подсакивают два пятидесятника. Володя рассказывал, пятидесятники центр плотно пасут. Более-менее трудоспособных бездомных к себе подтягивают, на свои работы привлекают. С администрацией они вась-вась – взаимовыгодное сотрудничество. Подсакивают к нам два пятидесятника, а с ними женщина, заведующая, что ли. Крепкая крупная женщина с ярко-рыжими волосами, и с наездом на нас:

– Вы за Татьяной приехали?

– Да, – говорю, – а что, нельзя?

– А то, что её они уже, – показывает на пятидесятников...

Один из сектантов снисходительно-хозяйским тоном перебил заведующую:

– Ладно, пускай она будет ихняя.

Уступил, что называется... Сразу глаз на неё положили. А что – силёнка ещё осталась в женщине, руки-ноги при ней, можно поэксплуатировать...

Андрей не смог промолчать, сектанты на него действуют, как красная тряпка на быка, выпалил:

– Лучше быть пьяницей и блудником, чем еретиком.

Пятидесятники, как ежи, иголки выпустили:

– А вы доскам молитесь!

Я схватил Андрея за руку, потащил к машине:

– Поехали-поехали, времени нет для богословских стычек.

Ему только дай подискутировать с такими оппонентами.

Едем, Андрей говорит:

– Лучший вариант – монастырь матушки Варвары.

Я и сам так думал. Матушка вообще уникам, монастырь с нуля создала, трудяга и молитвенница. Скольким людям из мира и молитвенно, и материально помогает. Как-то на великомученицу Варвару был в монастыре, за трапезой разговорился с соседкой по столу, она рассказала, что матушка ей корову подарила, деток нечем было кормить, она коровку выделила. А сколько у матушки духовных чад по области...

Первый раз приехали с Таней в монастырь неудачно – матушка за день до этого отбыла на неделю. Без игуменьи, само собой, никто не оставит в обители.

Андрей предположил:

– Может, дорога сюда закрыта, не наш вариант, поехали-ка в другой монастырь.

Андрей и там свой человек, игуменью хорошо знает, и та его. Да только знакомство не помогло.

– Таких не беру, – откровенно сказала настоятельница, – научена горьким опытом. Дня на три, может, хватит её, потом понадобится водка и мужики.

– Она, – говорю, – настолько смиренная, просто диву даюсь.

– В тихом омуте, знаешь, кто водится?

– Догадываюсь! Но мне кажется, Таня – не тот случай!

– Поверь мне, – не согласилась настоятельница, – все они тот случай. Одна такая тихоня схватила топор и давай гонять моих бабушек. Выхожу, она летит, топор над головой, готова всех в капусту порубить, глаза бешеные, руки трясутся. Я встала перед ней: «Руби!» – говорю. Опустила топор, разревелась.

Конечно, в жизни Тани и пьянство, и всё что хочешь было. Дом в деревне превратила в притон, забор вокруг него на дрова пустила... А потом и вообще дальние родственники её фактически выпурили. И есть дом, и нет его. Человек безвольный, этим воспользовались. А защитить некому.

Через неделю второй раз повезли к матушке Варваре. Снова её не было, но

сказали, возможно, приедет. Делать нечего, решили ждать – и вправду, через час приезжает. В мгновение ока паломники набежали. Никого не было, тут, будто под кустами и за деревьями прятались, как по команде выскочили – толпой окружили матушку.

Наша очередь подошла. Андрей стал просить за Таню.

– Вот привезли, человек в трудной жизненной ситуации.

– А у кого она лёгкая, – сказала матушка и обратилась к Тане: – Ну, птичка вольная, что хочешь?

– Хочу исправиться, – Таня, как школьница, потупила взор.

– Рассказывай, как жила, – спросила матушка, потом в глаза Тане посмотрела. – Собственно, и так вижу.

Потом, хотя ни мы, ни Таня ничего не сообщали про болезнь, говорит:

– Где заразилась?

– Не знаю, – Таня снова глаза опустила.

– Давай сделаем так, – вынесла свой вердикт матушка, – два раза исповедуешься, причастишься, и всё пройдёт. А то сёстры разбегутся из монастыря от твоей болячки. Сделаешь, как я сказала, и приезжай, тогда и посмотрим на твоё поведение, а пока молиться за тебя будем.

Ещё матушка поинтересовалась, есть ли паспорт и не беременна ли случаем «птичка вольная».

– Я однажды обожглась, – сказала, – приняла такую же скромницу, она оказалась на третьем месяце. Гляжу, Матерь Божья, у моей трудницы живот на лоб лезет. Владыка долго подшучивал: «Мать настоятельница, докладывай, как в обители с беременностью обстоят дела?» Обжѣгшись на молоке, дую на воду – справку требую.

На обратной дороге Андрей сказал:

– Зацени, Таня, матушка благословила на приезд к себе. Что бывает далеко не с каждой, кто обращается к ней. Так что, если всё сделаешь, как велела, возьмёт в монастырь, а дальше всё от тебя зависит.

– Ага, – кивнула Татьяна.

– Матушка будет молиться за тебя, это,

поверь, дорогого стоит. Мы с Григорием своими слабенькими молитвенными силами тоже поддержим. Но матушкина молитва – не сравнить.

Ничего Таня не поняла. Но отметила:

– У матушки хорошо. Легко было на душе, покойно...

Отвезли Таню в центр адаптации.

Едем оттуда, Андрей говорит:

– Оставлять в центре нельзя. Надо что-то придумывать.

Я жене заикнулся, мол, недели на две, максимум на три давай возьмём Таню, чтобы исповедалась, причастилась под нашим призором, потом к матушке Варваре отвезём. Жена на дыбы:

– Ты в своём уме?! Только через мой труп! Заразу всякую в дом.

Жену не переступишь. Жил бы один или с мамой, другое дело. У Андрея тоже некуда. Он позвонил епископу Николаю. Пять лет назад у нас создали митрополию, владыка Николай возглавил одну из епархий в ней. Я-то его практически не знал, Андрей давно был знаком с ним, даже в хоре пел в его храме, когда владыка был ещё иереем. Владыка сразу согласился. Привозите, говорит, устроим.

Центр епархии располагался в районном городке. На его окраине скит с небольшой церковью. В скиту владыка планировал создать женскую обитель. Проблема новых монастырей – насельники. Нет их. Здесь тоже подвизалась одна лишь инокиня Елена. Основное послушание, которое дал ей владыка на тот период, было по торговой части. В городском торговом комплексе имела епархиальная лавка со свечами, иконами, православной литературой. В ней инокиня с утра до вечера пребывала. В храме скита послушничали днём две городские женщины, одна в свечной лавке сидела, другая полы мыла, за подсвечниками следила. Вот и весь состав обители. Тогда как скит располагал немаленькими сельскохозяйственными площадями – огород, картофельное поле с гектар величиной. Есть где поработать, да некому. Владыка надеялся на Танину помощь.

Однако инокиня Елена приняла трудницу прохладно, если не сказать больше. Заявила: Таня ей не нужна. Владыка говорит, пусть поживёт месяц-другой, поможет, инокиня – нет. С гонором женщина. Не знаю, что её привело в монастырь, когда-то работала инженером в конструкторском бюро. Запросто на владыку повышала голос. Тот слушает-слушает, потом прикрикнет:

– Елена, епитимию на тебя наложу!

Она тут же голову покаянно уронит на грудь и ну виниться:

– Владыченька, простите!

– То-то же, – скажет владыка.

Через две секунды инокиня опять за своё. Сложный случай. Кто-то сказал: лучше командовать сорока мужиками, чем одной женщиной с высшим образованием.

Я женщин, что при храме работали, попросил:

– Вы Таню не обижайте, поддержите, пожалуйте, болящую!

Только и они в дуду инокини начали дуть:

– Ага, сейчас всё бросим и посадим твою болящую на божничку.

Трудный случай.

Владыка Николай своей властью постановил Таню взять, нам сказал, чтобы не беспокоились, сам будет курировать процесс, в обиду не даст.

Беда в том, что Таня весь день в скиту была сама себе предоставлена. Инокиня с утра уходила в торговый комплекс, в епархиальную лавку, лишь вечером возвращалась в скит. Время от времени я ей звонил, спрашивал про Таню. Жаловалась: ничего не хочет делать. Таня выйдет на это бескрайнее поле картошку полоть, потюкает тяпкой и затоскует, уныние начнёт одолевать. Бросит инструмент и идёт спать. Человек неустойчивый, такому наставник нужен, руководитель, чтобы строгое слово сказал, направил, а то и отругал... Что хорошо, инокиня помогала Тане готовиться к исповеди, причастию.

Второй раз она причастилась, а на следующий день (Таня по телефону мне потом скажет) лукавый подогнал ей искушение. Иду, говорит, стоит машина с парнями из её

деревни. Села и уехала с ними. Дело в том, что её родная деревня была в сорока километрах. Помню, она испуганно вздрогнула, когда сказали, что едем в епархию к владыке Николаю. Видимо, не хотела в родные края.

Звоню инокине, та говорит:

– Исчезла твоя Таня.

– Как исчезла?

Мы с Андреем собирались в ближайшую субботу ехать за ней, везти к матушке Варваре.

Паспорт, страховой медицинский полис оставила в обители – и пропала. Я даже забеспокоился: может, руки на себя наложила. Инокиня сказала, что никаких залётов с пьянством у Тани не было, нога зажила.

Расстроила меня Танина пропажа, где она, что с ней? Вдруг дней через пять звонок на сотовый, номер неизвестного абонента высветился. Из трубки Танин голос. Сначала пошла вразнос, никак не ожидал от неё такой прыти.

– Зачем вы меня взяли с Андреем? – с истерикой закричала в трубку. – Вы знали, какая я! Вы эксперименты надо мной ставили!

Потом сбавила тон. Стал спрашивать, не обижала её инокиня. Я думал, она выжила. Раза три спрашивал, всякий раз отвечала, что никаких обид на инокиню Елену, наоборот – человек она хороший, беззлобный, просто у неё характер такой. К концу разговора Таня опять в слёзы:

– Вы знали, какая я, зачем всё это надо было делать?

Потом заявляет:

– Приезжай, хочю тебя увидеть.

– Ну, встретимся, – говорю, – и что дальше? Что?

Разозлился на неё. Откровенно разозлился. Старались-старались для неё. Понимал, что она со слабой волей – куда ветер подует, туда и несёт, а не мог не злиться.

– А что мне сейчас делать? – спрашивает.

– Держись, – говорю, – церкви.

– Мне сказали, церковь не поможет.

– Кто сказал? Кто?

– Сказали.

То ли у неё видение было, то ли что. Бесы, конечно, не отстали от неё. Такой лакомый кусочек ускользает. Они строили-строили домик, а его начали разрушать, вот и вцепились посильнее.

Таня опять на истерике давай просить меня:

– Приезжай, увидимся, а потом всё!

– Что, – спрашиваю, – всё?

– Всё!

Я отказался. Хотя, может, надо было...

Опять же, приехал бы, ну и что? Зачем? Посмотреть друг на друга?

Предложил отвезти её к матушке Варваре, она:

– Нет-нет, только не сейчас...

– А когда, – говорю, – когда?

– Не сейчас, потом...

Очень я на неё обиделся тогда.

– Держись, – говорю, – церкви.

И прервал разговор.

Один шаг оставался до монастыря, всё сделала, что наказала матушка Варвара. Исповедалась, причастилась, рана зажила. С монастырём жизнь могла по-другому пойти...

Искренне хотел помочь Тане прийти в себя, опаматоваться. Живёт создание Божье, а никакой радости, ничего у неё нет. Ничего. Ни дома, ни здоровья, ни детей, по большому счёту. И впереди беспросветность. Кому нужна? Да никому. Во многом сама виновата... Но ведь не в диком лесу человек – люди вокруг. Хотел помочь... И не удалось. Всё, получается, зря.

Андрей не согласен.

– Нет, – говорит, – не напрасно возились с ней. Она столько грехов нацепляла за свою жизнь, а тут впервые покаялась в них, Господь простил. А ещё причастилась! Какое это благо для души! Матушка Варвара молилась за неё. И сейчас, не исключая, продолжает. Представляешь, кто просит Бога за Таню! Нет, не зря...

Хотелось, чтобы не зря...

Будучи в больнице, как-то с Таней пошли покурить. Курила немного, есть сигареты – покурит, никто не даст – терпит. Стоим,

курим, она рассказала случай из бродяжнической жизни. Осенью обитала на трубах, холодно было, вдруг ливень как из ведра. Сплошной стеной хлынул. Всех бомжей на теплотрассе замочило до последней нитки, а она сухая. Молилась, говорит, Богородице – и ни капельки не упало...

НАШИ БРЕМЕНА – НАМ И НЕСТИ

Рассказ рабы Божией Людмилы

За две недели до гибели сын звонит: «Мама, что-то на душе нехорошо, давай сходим в храм». Никогда Коля о церкви не говорил, крестился во втором классе за компанию. Как сейчас, вижу тот вечер. Звонок затрещал, открываю дверь, он на пороге, щёчки румяные, глазёнки – две смородинки – светятся... На нём серая вязаная шапочка и курточка синяя с красным, вскорости порвал, как моя бабушка говорила: дуриком. За гвоздь зацепился и располосовал полрукава. «Мама, – попросил, – можно завтра пойду с Толиком крещусь? Его бабушка поведёт». – «Почему нельзя, – говорю, – иди». Дала денег. Получилось, как в кино ходил. Ничегошеньки я не понимала.

Сама крестилась года через три, но ближе к Богу не стала. Крестилась по большому греху. Мне было тридцать четыре, встречалась с мужчиной, Евгением. Десять лет тянулась эта связь. В один не самый лучший вечер бросило нас друг к другу, закружило, понесло... Он – женат, я – замужем. Подъём, порыв, крылья счастья за спиной... Всё остальное, думалось, второстепенное, ведь тебе подарено неповторимое чувство... Что может быть выше любви? Грешила, что там долго рассуждать... Я ухожу через два года от мужа, он остаётся в семье. Это меня убивало. Сколько раз говорила себе: всё-всё-всё, никаких встреч, на звонки не отвечаю! Окончено и забыто, как дурной сон! Скандалила с ним. Разные мы были, совершенно не подходили друг другу по духу. Он старше на восемь лет. Поначалу вбила себе в голову – это любовь, которая бывает раз в жизни. Позже стала чувствовать – никакая не любовь...

Тяготилась, маялась, а порвать не в состоянии. Дошло до того, могла весь день пребывать в отличном настроении – лёгкость, полёт – за пять минут до встречи душа начинала бунтовать: не хочу, не хочу, не хочу! Зачем-зачем-зачем? Психи, нервозность. Приезжает, а во мне бурлящий котёл, шторм, буря... Готова по физиономии врезать. Нисколько не преувеличиваю. Да что там, случалось – отвешивала пощёчины. Когда становилось невыносимо чувствовать себя вторым сортом. Я – самостоятельная, умная, красивая женщина – должна с кем-то делить своего мужчину? Таиться, врать, придумывать отговорки... Мой мужчина должен быть единственно моим, и я одна у него – никого больше. НИКОГО! Делила год и другой, изовралась, стыдно вспоминать...

Недавно дала обет Богу: никогда с женатыми мужчинами не встречаться. Врать не буду, искушение идёт, но обрезаю: нет, нет, нет. Как только чувствую, мужчина не прочь перейти грань – прерываю отношения. По моей натуре следует поступать решительно и бескомпромиссно: встать перед алтарём, перекреститься, дать обет Господу Богу, и никаких «шаг вперёд, два назад».

С Евгением в конечном итоге порвала. Ой, непросто было. Бога тогда не знала... Да всё равно помог заблудшей овце. Вдруг меня осенило: только если покрещусь, смогу перебороть себя – сказать «нет» и сдержать слово бесповоротно. Крестилась в Ачаирском монастыре с полным погружением. Вышла из купели и приказала себе: с этого момента Евгения для меня нет. Вычеркнула из жизни. Иду по территории монастыря, день солнечно-золотой, по-летнему бескрайний, купола храмов горят, степь жарким ветром дышит, берёзы зеленою шумят, на душе хорошо – сбросила груз, освободилась.

После этого десять с лишним лет, если и заходила в церковь, больше за компанию. Офис наш рядом с собором, кто-нибудь из девчонок идёт свечку поставить, я увяжусь. Но так редко, что едва не каждый раз уточняли, куда ставить свечи о здравии, куда – об упокоении.

В тот субботний день под вечер сын звонит: «Мама, давай завтра в церковь сходим, тяжело что-то на душе». – «Конечно, – говорю, – сходим. А что случилось, сынок?» – «Что-то нехорошо». В воскресенье приехал, мы пошли. Храм наш ещё строился, в бывшем детском садике службы шли. Крохотная церквушка. Подходим, хор поёт, и полно народу. Замялись на крыльце. Иногда начинаю корить себя. Знаю, нельзя заниматься самообразованием, да бывает, не удержусь. Почему не вошли? Ну и что – храм полный и служба. Взяла бы и настояла. Коля сказал: «Мама, давай в другой раз. Что мы будем мешаться, надо через всех идти, чтобы свечи поставить...» Я и согласилась...

Перед Колиной смертью тревожные сны несколько раз видела. Хорошо помню последний. Будто Коля в кузове машины, цепляюсь за край деревянного борта, подтягиваюсь, Коля в углу у кабины лежит вверх лицом, руки раскинул. Тянусь к нему: «Сынок, сынок...» Машина начинает движение, борта высокие, я не могу на ходу заскочить, знаю: нельзя отпускать его, надо забрать, во что бы то ни стало забрать. А ещё в кузове валялся здоровый кусок фарша... Я ещё удивилась: что он так-то брошен, не упакован... Вдруг машину швырнуло в сторону, я не удержалась, руки разжались... Машина уехала... Не смогла дотянуться до сына. Перед этим был сон, будто Коля в сарае лежит, полумёртвый и засыпан горой сосновых шишек. Голова, плечи свободны, остальное под толстым слоем. Бросилась разгребать, шишки без семян, раскрытые, но пропитанные влагой, тяжёлые. Раскопала его, из сарая вынесла. А из машины не смогла забрать...

Его тоже мучило нехорошее предчувствие... Сам не понимал: «Мама, что-то происходит в душе, а что – не знаю». В марте этого года ему исполнилось бы тридцать. Месяца за два до смерти приехала к нему, дай, думаю, приберусь и нашла детскую Библию под подушкой. Красочную, с картинками... Утешение не во мне искал, к Богу потянулся...

Когда узнала о трагедии, душа возопила, заметалась, потеряв опору...

Похоронили Колю, родственники разошлись, у каждого своя жизнь. Я – ни сидеть, ни стоять, ни лежать. Почему со мной произошло? За что? Как теперь жить? Зачем? В какой-то день злость пришла. Злость, агрессия, со мной нельзя было нормально разговаривать, во мне кипела злоба, переполняла, выплёскивалась... Комок нервов и злобы... Бесконечно сильно любила сына, и сейчас не меньше... Нельзя любить кого-то больше Бога, ты должен, во-первых, Бога любить. Головой-то понимаешь, но это моя кровь, бессонные ночи, первые шаги, первый раз «мама» сказал, букет подарил в третьем классе, сам накопил денег... Кажется, жизнь потеряла всякий смысл. Мы с ним в тот день, когда в церковь не попали, в последний раз виделись. У меня круговерть на работе, и Коля с утра до вечера в делах. Несколько раз по телефону звонил: «Мама, ну когда увидимся? Когда встретимся?» Всякий раз получалось, он назначает время – я не могу, у меня окошечко образуется – ему не подходит. Мы были душевно очень близки. Я ведь одна ребёнка воспитывала. С его отцом развелись, когда Коле четырёх лет не было. После этого один раз выходила замуж... Вроде и мужчина неплохой, интересный, да не получилось...

Пришла первый раз после похорон на работу, села в кресло. Даже компьютер не включила. Сижку тупо полчаса, час. Вдруг что-то меня выкидывает из кресла, хватаю швабру и начинаю мыть пол, протирать пыль, поливать цветы... Будто кто-то подтолкнул, заставил взять себя в руки...

Девяти дней после смерти не было, пошла в храм. Душа кричала – постоянный, не прекращающийся крик. Ни с какой болью не сравнить. Бог так устроил, во время похорон была как замороженная. Ни истерик, ни потоков слёз. Без всяких таблеток успокоительных. Сама на кладбище ручки ему развязала, ножки, завязки убрала, укрыла. Лежал, будто спал. Нисколько не изменился. Заснул и заснул. А я, как зомби, внутри всё

заморожено. Не кричала, не орала, в лобик его поцеловала.

Потом слышала про себя: «Вот она держалась на похоронах, вот самообладание». Какое там самообладание, не доходило до меня происшедшее. Будто со стороны смотрела. Осознание пришло потом...

В храме после похорон немного успокоилась. Господь, думаю, должен помочь. Ничегошеньки не знала, ничегошеньки – ни молиться, ни креститься. Но размышляла: тело – оно тленное, его положили в землю. А живое, что нами движет, куда оно уходит? Перевожу глаза с одной иконы на другую. Ни одного образа не знаю. Ни одного. Живое, думаю, идёт к Богу, в жизнь вечную. Там мой сын. Пришла в храм с вопросом: что делать, чтобы ему хорошо было? Одна из первых, с кем познакомилась, – Лариса. Тоже скорби привели к Богу. Сын, двадцать лет, сто метров не дошёл до своего подъезда. Пять ножевых ударов. Два смертельных. Она понимала меня, как никто другой. Начала опекать, давать литературу. Смотрела на неё и думала: живёт человек. Живёт. У неё, как и у меня, один ребёнок был. Муж стал к бутылке припадать. Лариса повторяла: «Люда, кому, как не нам с тобой, за детей наших молиться? Они больше не могут просить за себя Бога. Кому, как не нам, помогать им».

Начала маленькими шажочками к храму прибывать, вдруг болезнь. Да такая, что четыре операции одна за другой. Физически крепкая женщина, спортивная, в школе занималась гимнастикой, а трягнуло – мама не горюй. Не ожидала от себя – ни серьёзной простуды, ничего за всю жизнь, ну зубы болели, вдруг – откуда что. Раз в больницу, два... За полтора года четыре серьёзных операции. Господь увидел мои страдания, увидел, что не могу смириться с потерей, вот и дал возможность поразмышлять на больничной койке, прийти к мысли: здесь всё временно, надо заботиться о том, чем душу напитать для спасения.

Четвёртую операцию сделали, в общей палате после реанимации лежу, начала

взвешивать: раз Господь не забирает к себе, значит, нужна здесь. Сын погиб в двадцать пять, были у него грехи вольные и невольные. Как у каждого из нас. Ушёл без покаяния. Мне отмаливать его. Два с половиной года жил с девочкой, как сейчас лукаво говорят, гражданским браком. Хорошая девушка – домашняя, умелая, симпатичная. Лена. Я радовалась – повезло сыну с женой. На деле потакала блуду. Оправдывала их. Думала, раз время другое наступило, стоит ли детям мешать своими стародавними представлениями – нельзя вот так вот до свадьбы. Может, запрети им в открытую сожительствовать, всё бы сложилось по-иному. Я на поводу пошла, успокаивала себя: все так живут. Коля огорошил в один день: «Мама, я понял, мы разные с Леной, не подходит она мне». Как так? Без малого два года по всем параметрам подходила, вместе отдыхать ездили, она у нас едва не постоянно жила, или он у них. Чаще – у нас. Для меня, честно скажу, удар. Мысли не возникало, что не женится в конечном итоге, подло поступит с Леной. Планировала: вот получит диплом, сыграем свадьбу. А он – «не подходит». Пыталась вразумить, приводила доводы. Не слушался. Для Лены разрыв стал трагедией. Любила Колю. Была на похоронах.

Его грехи надо отмаливать, а своих сколько? Услышала, что исповедь, причастие требуют подготовки, спрашиваю Ларису: «Как вы готовитесь?» Она брошюрки принесла: читай. До этого один раз всего исповедалась, недели через две после Колиных похорон. В самый первый раз в церковь прибежала, Коля в морге лежал. Спрашиваю в церковной лавке: что нужно делать, чтобы похоронить правильно? У самой в голове такое творилось, только и поняла – надо отпеть. После похорон – снова в церковь. Давай расспрашивать, что мне делать Коле на пользу? Чтобы хорошо ему было? Сказали – исповедаться, причаститься и читать до сорокового дня Псалтирь по усопшему. Купила Псалтирь. Начала читать. К причастию не ходила, но исповедалась. По незнанию без всякой подготовки. Слезами под

епитрахилью обливалась, обвиняла себя во всём, говорила, – говорила безостановочно... Батюшка Евстафий не перебивал, молча слушал...

Долгое время постоянно сны с Колей видела. То будто совсем маленький, или уже школьник, студент. До сорокового дня каждую ночь снился. Один сон часто вспоминаю, в нём Коля иносказательно дал понять... В детстве у него был синий в полоску костюмчик. Снится в нём, рубашечка кремовая. Я ему: «Сынок, ты такой красивый». Он улыбается. Счастливый, просветлённый, миленький... Волосы густые, и вихры. Спрашиваю: «Как ты тут живёшь? Как у тебя?» Он улыбается: «Мама, у меня всё хорошо, но я мокрый». Рукой проводит почти у горла, вот досюда (маленьким он говорил «досюдова») мокрый. Дал понять, много плачу, оттого он мокрый «досюдова».

Сейчас реже снится. Но как увижу, потом так тяжело на душе весь день. Скучаю. Хочется обнять, поцеловать. Хотя не это главное...

Один раз приснилось кладбище. Иду по аллее, а могила его раскрыта, он лежит практически на поверхности, гроб открыт, Колю издали видно. Подбежала: «Коля, ты почему так лежишь? Тебя земелькой укрыть надо. Давай укрою». Он: «Мама, уйди скорее, дай мне поспать, дай отдохнуть».

Зачастила я в церковь, а она только-только переехала из детского садика в отстроенный храм, дел невпроворот... Ни от каких послушаний не отказывалась. В церкви всегда хорошо работается. Уже не могу без неё. С понедельника по пятницу не получается зайти, эти дни вечностью кажутся. Бегу на вечернюю службу в пятницу, ног под собой не чувствую – наконец-то. Начала регулярно молиться дома, поститься. Посты соблюдать не сразу научилась. В самый первый Великий пост побоялась в еде себя ограничивать. Решила – не выдержу, ни за что не смогу. Зачем себя обманывать? Посчитала, это выше моих сил – без молока, без мясного. Батюшка Евстафий на проповеди сказал: не надо возлагать на себя бремена неудобноносимые,

однако хоть в чём-то себя урезоньте. Курящие – в сигаретах, если была норма десять сигареток в день, сократите хотя бы на одну, сладкоежки – конфет поменьше употребляйте. Принесите посильную жертву Богу... Подумала и постановила: не буду смотреть телевизор. Чего проще. От сладкого трудно отказаться, а телевизор... В какие-то вечера такое искушение нападало... Один раз даже пошла в кинотеатр. По дороге сама себя пристыдила: кого перехитрить хочу? Бога ведь...

Год назад отказалась от спиртного. Особо пристрастия не наблюдалось. На девишниках в офисе не отказывалась. Подруга заедет... Тоже, не дай Бог, у неё... За полгода до смерти моего Коли её сын ехал с семьёй на машине... Сказать бы, перевернулись, врезались в столб. Вовсе нет. Машину выбросило на обочину. Жена рядом с Виталиком сидела – никаких травм. Дочка на заднем сиденье, Верочка, немного ножку прижало. Да что там, они соленья с дачи везли – ни одна банка не разбилась. У Виталика внешне ничего. Единственное болевое ощущение – копчик ушиб. В больницу привезли. Он говорит жене: «Езжай домой, поздно, Верочку укладывать пора. Долго не задержусь, скоро приеду». Через час звонят Марине: ваш муж умер. Как подруга моя страдала! После похорон часто к ней ездила. Приеду, поплачем на пару. Виталика её хорошо я знала. Да пока на себе не испытаеть, разве поймёшь до конца глубину чужого горя... Ещё у одной подруги, институтской, сын позвонил в домофон, сказал: «Мама, я сейчас поставлю машину, вари пельмени». Восемь лет прошло – ни его, ни машины.

Не скрываю, могла лишнего в компании выпить. Редко, но было так, что похмельем маялась. А то вечером вернусь домой, чувствую, простыла, как бы не разболеться... Коньячку рюмку да другую приму... Когда и без простуды. Да сколько бы ни выпила, сначала потеплеет на сердце, потом душа начинает ныть, плакать о Коле, наваливаются воспоминания. А слёзы-то нетрезвые – водка плачет. Каждый раз после такого случая

зарекалась: ни капли больше. В домашней молитве каялась в грехе, корила себя, просила у Бога помощи... Пройдёт неделя или сколько, притупится зарок, снова дам себе послабление на рюмочку. Библия, оправдаю себя, ведь не запрещает вино... И тогда дала обет. Пошла на исповедь, покаялась в грехах, перечислила их, после чего говорю: «Господи, больше никогда алкоголь употреблять не буду». Батюшка Евстафий никак не прокомментировал обет, разрешительную молитву прочитал, я поцеловала крест, Евангелие. Батюшке говорю: «Сдержу слово, данное Господу. Даже шампанского с этого момента капли в рот не возьму».

Тут же искушение. В этот день батюшка Евстафий крестил своего внука. Батюшка у нас на эмоции сдержанный, да видели бы его по рождению внука: светился, ходил по храму и светился. Окрестил Георгия, в трапезной стол накрыли. Специально к этому событию батюшка вино припас, настоящее молдавское, из Дубоссар ему в подарок привезли. Вино наперебой хвалят, Лариса плоток сделает и повторяет: «Бесподобный напиток! Нектар да и только!» Она крымчанка, в вине знает толк. Мне смерть как захотелось. Хотя бы пригубить, лизнуть самую малость, на язык попробовать. Так и подмывало взять бокал. Потом поела, самой смешно сделалось: это же надо, жажда несусветная напала...

Про клирос думать не думала – какая из меня клирошанка? Певчие подобрались хорошие, трое с музыкальным образованием. Даже митрополит похвалил. На престольный праздник служил у нас, за трапезой рядом с собой посадил. Да начались трудности на клиросе, две женщины одна за другой серьёзно заболели, две девчонки замуж вышли за иностранцев. Стали собирать клирошан с бору по сосенке, мне тоже предложили. Не знаю, говорю, никогда не пела. Регент прослушала на предмет наличия-отсутствия вокальных данных. «Слух, – определила, – есть, голос есть, надо петь». Пошла я к батюшке, он: «Благословляю, будешь петь, читать, Бога славить». Слух у меня есть...

В школе пять лет играла на трубе в духовом оркестре. Сама не баскетболистка, метр пятьдесят два ростом, звали в оркестре Маленький Трёмбач. С ударением на последнем слоге. Фамилия у меня девичья Трёмбач. Песня есть:

Кругом война, а этот маленький...

Над ним смеялись все врачи –

Куда такой годится маленький,

Ну разве только в трубачи?

А что ему? – Все нипочём:

Ну трубочом, так трубочом!

Вовка Лазарев, на валторне играл, переделал: «Ну Трёмбачом, так Трёмбачом!»

Нас два трубача было, фамилии у обоих на один лад... Ещё Сашка Субач. Высокий, худой. Его звали Длинный Субач. Тоже переделали с ударением на «а». Вовка Лазарев сочинил: «В нашей школе трубачи – Трёмбачи да Субачи, литл-маленький Трёмбач, долговязый-лонг Субач!»

Слух есть, да в жизни не пела... Читать на церковно-славянском за год до прихода на клирос начала учиться. Беру дома Псалтирь, один на церковно-славянском, второй – на русском. Раскрываю обе книги, предложение из псалма на русском прочитаю, затем то же на церковно-славянском. По кафизме, поминая Колю, каждый день читала. Заодно в церковно-славянском практиковалась. Регент мне сказала: «Для начала молча постой на клиросе, послушай, попривыкай». Первый раз на литургии с краешку пристроилась к певчим. Меня как давай крутить да перекручивать. Ничего не пойму. Выкидывает с клироса. Сказать – волнение взяло, да с чего бы – столбиком стою, рта не раскрываю. Но реально выпихивает меня. Думаю, как они по два часа здесь? На «Херувимской» едва не поплыла. Лариса шепчет: «Что с тобой? Бледная вся». Потом объяснила: «А ты как думаешь? В шаге от алтаря стоишь, дьяволу разве понравится?»

На второй или третий раз регент разрешила подпевать. К своему ужасу обнаружила – не умею голосом владеть. Дыхания не хватает. Два слова пропела и, как рыба на берег выброшенная, дышать нечем... Или

ноту поднять не могу, начинаю скрипеть несмазанной телегой, регент сердито даст знак рукой – молчи. Лицо скроит, будто непотребное делаю... Хоть плачь. Голосовые связки, чуть попою, болят, один раз вовсе сорвала...

Плохо получается, да мне уже понравилась на клиросе. Дьявол отстал. Точнее, как Лариса сказала, ушёл в тень, отстать никогда не отстанет. Благостно на клиросе. Будто ближе к Богу.

Открыла интернет, нашла телефон студии вокала, записалась. Повезло с преподавателем, занималась со мной поначалу женщина, которая не только в светской музыке дока – в прошлом регент. Послушала. «Люда, – говорит, – голос у тебя есть. Надо развивать. Будешь заниматься – сможешь петь на клиросе. Но наберись терпения». По сей день беру уроки вокала.

Год пою и читаю на клиросе. И всегда волнение, мандраж, как моя очередь читать. Не могу привыкнуть. По-разному бывает. Иногда с трудом идёт, просто камни ворожаю, в другой раз сумею настроиться, Божьей помощи попросить, и тогда удивительно, будто не я, оно само идёт, само читается. Окружающее куда-то отодвигается, ты вся в молитве. Потом говорят: Люда, ты так сегодня хорошо читала.

Так и живу. Да, забыла сказать, ещё одно послушание взяла – воскресную школу. Прошлой осенью, полгода назад, учебный год начался, а воскресная школа без преподавателя. К тому времени подумывала: смогу ли? В церкви у меня есть давнее послушание – цветы. Помещений много, на всех окнах горшки. В субботу-воскресенье в храме с утра до вечера пропадают. Благостно, уходить не хочется... По воскресеньям после обеда я в одном углу с цветами вожусь, воскресная школа – в другом проходит. Сама с собой рассуждаю: к занятиям готовиться – значит, самой духовно возрастая. Так-то постоянно читаю Библию, святых отцов, но это для себя, сегодня есть настроение, а завтра, ловлю себя на мысли, скользю глазами по строчкам. По натуре я такая: если взяла обязательство, мобилизуюсь максимально,

голова начинает работать в направлении цели. В данном случае не просто буду читать для себя, а думать, как это детям преподнести, делать выписки.

В начале сентября сидим за трапезой, батюшка Евстафий спрашивает: «Какие предложения по воскресной школе?» Я руку подняла: «Благословите». Дома открываю интернет, захожу на сайт епархии в надежде, вдруг что-то есть для таких, как я, и натыкаюсь на информацию – при епархии открывается трёхмесячный семинар основ православной культуры и катехизации. Что ещё надо? Батюшка благословил.

Детки славные. Есть у нас Ванечка, всего-то четыре годика, с опаской брала – мал, думала. Он смиренно всё занятие сидит, молитвы на лету хватает. Сердце обмирает, когда такая кроха «Отче наш», «Богородица Дева радуйся» читает. Витя Баранов, восемь лет мальчишечке, а по-церковнославянски как начнёт шпарить. Без запинок отскакивает. Бабушка у него из старообрядческого села. Другим тоже интересно попробовать... В школе английский, а тут сверстник церковнославянский знает...

Так и живу... Стараюсь не перепиливать опилки прошлого, не заглядывать розово в будущее, а жить с Богом сегодня.

Ещё до сорока дней по смерти сына – снится, будто смотрю телевизор, в нём хоровод детей. Мальчишечки в белых рубашках, тёмные брючки, галстучки. Класс второй-третий. Девочки, как в нашем детстве, с бантами. Детки умилительно вышагивают. Вдруг они все оказываются передо мной в комнате, Коля тут же. Я подхватываюсь с кресла и начинаю вести хоровод. Колю левой рукой беру за ручку, а правой – другого мальчика. С экрана задорно музыка льётся. Детки, как недавно в телевизоре, старательно идут по кругу. Рука у сына холодная, как снег, и ещё холоднее... Из морга когда его привезли, я рухнула рядом, щекой к его щеке прижалась. Он – ледяной. У меня потом щека отнялась... Веду хоровод, а рука у Коли лёд, за ним мальчик шёл – тот сначала взял Колю за руку и тут же отдернул свою. Обжёгся

холодом и разорвал круг. Я говорю: «Сынок, что с тобой?» В этом месте хоровод исчезает, Коля уже в телевизоре крупным планом, а я перед экраном. Он коротко пострижен, вихры торчат. Спрашиваю: «Сынок, как ты там? Расскажи!» Он говорит: «Всё хорошо, мама! Придёт время, сама узнаешь». Утром просыпаюсь, левая рука до плеча холодная-прехолодная, как щека тогда. И вспомнила его слова: «Придёт время, сама узнаешь».

Больше не спрашиваю: «Как у тебя там?» На самом деле – придёт время, узнаю.

ГАЛИНА ЦЕЛИЩЕВА

Родилась в 1952 году в д. Согом Тюменской области. Живёт в Омске.

Публиковалась в коллективных сборниках, антологиях, альманахах и периодических изданиях различных городов России. Автор поэтических книг.

Лауреат литературной премии имени А. П. Чехова (2008), региональной премии имени адмирала Ф. Ф. Ушакова (2015). Член Союза писателей России, член-корреспондент Академии Поэзии, кавалер Золотой Ессинской медали.

В литературно-краеведческом альманахе «ТарЯне» публикуется впервые.

НЕБЕСНЫЙ ГЛАС

Верю, что было Слово вначале.
А у меня – в конце:
гимны гремели, тосты звучали...
След потерь на лице.
Только потом обнаружила – слышу:
Голос во мне живёт,
мерной капелью капает с крыши,
тает на крыше лёд.
Я постепенно в землю вырастаю:
травы – у самых глаз.
И надо мной – пролетающей стаи
шелест – небесный Глас.